

русскими аффиксами (*Аколово, Ихолово, Ракульское, Уколово* и т. п.). Эти названия часто имеют прямые соответствия в субстратной топонимии Русского Севера. Вместе с тем очевидно, что аналогичный аффикс был характерен и для мерянских наименований, что хорошо иллюстрируют ойконим *Шишелово* и его топонимические параллели с типичными мерянскими детерминантами *Шиишедам* и *Шиишебольцево*. Бытование аналогичных прибалтийско-финских топонимических образований на территории ИМЗ не позволяет, однако, считать формант *-ла (-лово)* дифференцирующим мерянским индикатором.

В некоторых других случаях ойконимы и микротопонимы прибалтийско-финского происхождения также приобрели русские словообразовательные аффиксы (*Верково, Колкачиха, Лухтоново* и т. п.).

Названия такого рода встречаются на всей территории ИМЗ, но особенно характерны они для левобережья Волги в бассейнах Костромы и Унжи, где образуют, по-видимому, довольно поздний прибалтийско-финский субстрат. Не исключено, однако, что некоторые из этих наименований были перенесены на территорию ИМЗ русскими в процессе миграций.

3. В прибалтийско-финской по происхождению гидронимии и лимнонимии ИМЗ выделяются несколько групп названий.

А. Гидронимы и лимнонимы с прибалтийско-финскими формальными элементами. К ним относятся: 1) группа названий небольших рек с детерминантом *-уй* 'ручей' в Пошехонье (*Возуй, Кергуй* и др.); 2) речные названия на *-сарь* 'ветвь' в северной части Костромского края (*Луссарь, Немсарь*), а также гидронимы *Сара* в различных частях ИМЗ; 3) несколько лимнонимов с детерминантом *-Гр(а)* 'озеро' в бассейне Клязьмы (*Мстёра, Питкер* и др.).

Б. Гидронимы без прибалтийско-финских формальных элементов, осложненные русскими аффиксами (*Мурдовка, Хайнова* и др.).

В. Гидронимы, представляющие собой чистые основы типа *Лехта, Линда, Сотка* и т. п., которые, возможно, являются наиболее древними из прибалтийско-финских названий на территории ИМЗ или даже восходят к еще более раннему языковому состоянию. Их прибалтийско-финское (или доприбалтийско-финское) происхождение доказывается отсутствием соответствующих основ в наименованиях с мерянскими топоформантами.

И. И. Муллонен
Петрозаводск

Палеостров в ряду субстратных топонимов Обонежья*

Палеостров – один из самых известных островов Онежского озера, на котором в XIV в. возник Рождественский Палеостровский монастырь, один из первых в Карелии. История названия отразилась в целом ряде документов XV–XVI вв.,

* Работа подготовлена в рамках проекта Финляндской Академии наук, № SA 208153.

в которых наряду с *Палеостров* бытуют варианты *Пальяостров* и *Палий остров* (с формами склонения: «конец *Палья острова*», «на *Палье острове*»).

Название острова традиционно связывается с наименованием рыбы *палья* или *палия* 'рыба рода лососевых', в изобилии водившейся в омывающих остров водах. Эта мысль проводится как в исторических исследованиях, так и в рассказах местных жителей.

На самом деле этимология топонима не столь очевидна, как может показаться на первый взгляд. Во-первых, сам морфологический облик топонима допускает наряду с русской нерусскую интерпретацию, поскольку существует сложный топоним с застывшим первым компонентом, что в целом нехарактерно для русских по образованию топонимов. Кроме того, вариант *Палий остров*, возможно, лишь внешне совпадает по форме с русскими топонимами-прилагательными. Он хорошо укладывается в один ряд с адаптированными в русском языке прибалтийско-финскими топонимами Заонежья *Перый наволок* (*perä* 'задний'), *Ширый наволок* (*surjä* 'боковой'), *Турый остров* (*turo* 'нерестилище плотвы'), *Мурый мох* с вариантом *Муромох* (карел. *muroi* 'морюшка') и др.

Что касается происхождения обонежского слова *палья* или *палия*, то оно традиционно связывается с вепс. *pal* 'рыба палия'. Эта этимология предложена Я. Калимой [см.: Kalina. 180] и повторяется затем неоднократно в этимологических исследованиях [см.: Фасмер. 3, 194; Герд, 1988, 10; Мызников. 2003, 182]. Если предположить, что в основе наименования острова закрепились вепсские лексема, то, с позиций структурного оформления, оба варианта – и *Палеостров*, и *Палий остров* – вполне обоснованы.

Однако такая интерпретация наталкивается на следующее противоречие, на которое, кажется, не обратили внимания вышеназванные авторы. Вепсское *pal* не находит соответствий в прибалтийско-финских языках, что наводит на мысль о неисконности слова в вепском. Кроме того, для вепсского фонотаксиса абсолютно несвойственно употребление одиночного палатализованного *l* в конце односложных слов [см.: Tunkelo. 1946, 417–448]. Слово, кстати, отсутствует в СВЯ, что, по всей видимости, связано с его фрагментарностью в вепских говорах. Я. Калима приводит вепс. *pal* со ссылкой на Э. Н. Сетяля, вепские материалы которого состояли в основном из данных северного диалекта, представленного на юго-западном побережье Онежского озера. Эти факты, складываясь воедино, указывают на то, что вепс. *pal* – заимствование из ареально смежных русских говоров Обонежья, т. е. путь заимствования был обратным: не из вепского языка в русские говоры, а из русских говоров в вепский, причем, скорее всего, северно-вепсский диалект Прионежья.

В русских говорах *палья* (*пальга*) известна прежде всего в Заонежье, где лексема зафиксирована практически во всех населенных пунктах. На смежной же территории (на восточном и южном побережье Онежского озера, в Беломорье и Приладожье) встречаются только единичные фиксации [см.: Мызников. 2003, 181–182]. Вырисовывается ареал с явным центром на Заонежском полуострове и периферией в Беломорье и Приладожье. При таком строении ареала кажется логичным исходить из того, что слово родилось в Заонежье, откуда продвинулось по водным путям, с одной стороны, в Беломорье, с другой, в Приладожье, хотя и не приобрело там особой продуктивности.

Если согласиться с тем, что термин *палья* родился в русских говорах Заонежья, то каков может быть источник его возникновения? Один из наиболее реальных путей состоит в том, что в наименовании породы рыбы закрепилось название острова, акватория озера вокруг которого известна запасами этой рыбы. Недаром ведь монастырь возник именно здесь и монахи заручились поддержкой государства на запрет окрестным крестьянам заниматься ловлей рыбы в своей вотчине: «вкруг Палья острова и Грещного (т. е. Речного. — И. М.) острова тонь не ловити селяном, с лучом не ездити» (из Данной новгородского посадника, 1415–1421 гг.) [Материалы, 1941, 99]. Подобный путь возникновения терминов, хотя и нечастый, встречается в практике наименования рыб, прежде всего, имеющих локальный ареал, каковой характерен и для палья.

Все эти рассуждения, опровергая традиционную версию происхождения термина *палья*, не приближают, однако, к выявлению истоков названия Палеострова. Одна из возможных версий позволяет реконструировать в основе приб.-фин. *paljas* ‘голый, без растительности’ и представлять топоним в изначальном виде как **Paljas/soari* ‘голый остров’ с последующим преобразованием в результате наложения конечного *s* определяемого компонента и начального *s* детерминанта в **Palja/soari*, которое породило полукальку *Пальяостров*. Использование признака ‘голый’ для наименования островов без растительности хорошо известно в Заонежье, причем, как в русской (остров *Гольий*, *Голяши* и др.), так и в прибалтийско-финской (остров *Пальяк*) топонимии. Эта фонетически стройная и семантически оправданная гипотеза имеет, однако, один существенный изъян, заключающийся в том, что все заонежские ‘голые’ острова – это небольшие скалистые выступы, на которых не может закрепиться и вырасти лес. Палеостров же – обширный, поросший лесом остров, который, разве что выгорев полностью, мог быть охарактеризован как ‘голый’, но, скорее, как ‘горелый’. Все это вызывает сомнения в истинности данной интерпретации.

Намечается еще одна возможность в этимологической интерпретации топонима *Палеостров*, связанная с саамскими языковыми данными, ср. саам. *balle* ‘край, бок, сторона’ с производным *bällje* ‘ухо’ [SSA]. Она основана на географическом положении острова, который оставался сбоку от основного фарватера для тех, кто выходил из залива Толвуйская губа в открытое озеро.

В топонимии северо-западных областей России обнаруживается целый ряд «боковых» объектов, в названии которых присутствует основа *Пал-* [см.: Муллонен, 2002, 257–258]. Не исключено, что *Палеостров* входит в их число. При этом требуется, однако, некоторый комментарий к фонетической стороне топоосновы. Саамское *ae*, восходящее к праязыковому **e*, отражается, как правило, в топонимии Обонежья в виде *ä* (в прибалтийско-финском употреблении) и *я* (в русском бытовании). Вместе с тем встречается и более задняя огласовка в виде *a*. Здесь, возможно, отразились особенности прибалтийско-финской адаптации. На такую мысль наводит, в частности, сосуществование вариантов названия озера на западной границе Заонежья, в людиковском языковом ареале *Pall'arvi* и *Päll'arvi* (и соответствующих русских *Палье озеро* и *Пялезеро*). С другой стороны, истоки заднего *a* в принципе могут быть заложены уже в самом прасаамском языковом развитии, для которого известна тенденция к большей открытости, передвижке назад гласного первого

слога в зависимости от конечного гласного основы [см.: Korhonen, 1981, 89]. Стремление к более открытому звучанию известно и русским говорам севера в передаче прибалтийско-финских заимствований (*вахта* из *vehka*, *падра* из *peira* и др.). Истоки данного явления не вполне ясны, хотя высказывается мысль о воздействии местного субстратного языка саамского типа [см.: Матвеев, 1995, 32–33]. В том же направлении, возможно, происходило и развитие топоосновы *Пал-* в *Палеостров*, тем более, что в палеостровской округе зафиксирован еще один топоним с саамскими истоками, в котором также саамское *æ* из исторического **ε* отразилось в виде *a*. Это зафиксированный источниками XVI–XVII вв. мыс *Каин наволоок*, с которого шел путь на Палеостров. В основе саам, *gæid'no* 'дорога', восходящее к более раннему фонетическому варианту **kejnō*. Предложенная «дорожная» интерпретация подтверждается целым рядом других топонимов с основой *Кайн-* (в Зонежье острова *Кайнос* и *Кайнестров*).

Герд А. С. Прибалтийско-финские названия рыб в свете вопросов этнолингвистики // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы лексикологии и грамматики. Петрозаводск, 1988. С. 4–22.

Матвеев А. К. Аpellятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов // Вопр. языкознания. 1995. № 2. С. 29–42.

Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.

Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981.

Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946.

С. А. Мызников
Санкт-Петербург

О соотношении некоторых аpellятивов и топонимов в Обонежье и Ярославско-Костромском Поволжье

Обращение к данной теме было продиктовано бросающимся в глаза сходством, замеченным в ходе диалектологических экспедиций, некоторых топонимов неисконного происхождения в Обонежье, Беломорье и на территории Ярославско-Костромского Поволжья и далее в Кировской области и Марий Эл. Взаимоотношение топонимических ареалов – весьма сложная проблема, особенно если речь идет об анализе единиц неисконного происхождения. В ряде случаев базисная субстратная основа ареала (например, Русского Севера) совершенно очевидна, и в центре анализа составляющих его данных находятся финно-угорские материалы. Однако имеются регионы, где субстратная доминанта не является единственной, а может сосуществовать с рядом других. В этом случае выбор той или иной субстратной